ISSN:2308-5703
Impact factor:13.5 *International Multidisciplinary Online Journal* November, 2026

# РОЛЬ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В ВЫЯВЛЕНИИ И ПРЕСЕЧЕНИИ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗОВАННЫХ ГРУПП

**Бойхурозов Комилжон Тулкин угли**

**Doi: https://doi.org/10.5281/zenodo.24358566**

**Аннотация:** Исследуются правовые и организационные механизмы выявления и пресечения преступной деятельности организованных групп в Республике Узбекистан. На основе анализа уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства предложена четырёхконтурная модель оперативного сопровождения. Обоснованы критерии допустимости результатов мероприятий, координации органов и защиты прав личности.

**Ключевые слова:** организованная группа; оперативно-розыскная деятельность; предупреждение преступлений; допустимость доказательств; финансовое расследование; прокурорский надзор.

**Annotatsiya:** Maqolada O‘zbekiston Respublikasida uyushgan guruhlarning jinoiy faoliyatini aniqlash va unga barham berishda tezkor bo‘linmalarning huquqiy hamda tashkiliy o‘rni tadqiq etiladi. Jinoyat, jinoyat-protsessual va tezkor-qidiruv qonunchiligi tahlili asosida to‘rt yo‘nalishli model taklif qilinadi. Dalillarning maqbulligi, idoralararo hamkorlik va inson huquqlari kafolatlari asoslanadi.

**Kalit so‘zlar:** uyushgan guruh; tezkor-qidiruv faoliyati; jinoyatlarning oldini olish; dalillarning maqbulligi; moliyaviy tergov; prokuror nazorati.

**Abstract:** The article examines the legal and organisational role of operational units in identifying and disrupting criminal activities of organised groups in Uzbekistan. Drawing on criminal, criminal-procedural and operational-search law, it proposes a four-pillar operational support model. Particular attention is paid to evidentiary admissibility, interagency coordination, financial investigation and fundamental rights safeguards.

**Keywords:** organised criminal group; operational-search activities; crime prevention; admissibility of evidence; financial investigation; prosecutorial oversight.

## Введение

Организованная преступность представляет для правопорядка особую опасность не только вследствие множественности совершённых деяний, но и благодаря способности участников координировать преступную деятельность, распределять функции, скрывать источники доходов и воспроизводить криминальные связи после задержания отдельных исполнителей. Поэтому результативность противодействия ей не может определяться исключительно числом раскрытых эпизодов: принципиальное значение приобретают своевременное установление группового характера деятельности, предупреждение новых посягательств и выявление лиц, обеспечивающих функционирование формирования. Международные исследования демонстрируют распространённость сетевых и организационных форм преступного поведения,

однако соответствующие показатели нельзя механически переносить на криминальную ситуацию конкретного государства.[1]

Проблема настоящего исследования заключается в установлении правовых и организационных условий, при которых оперативные подразделения способны перейти от получения разрозненных сигналов о преступлении к проверяемому выводу о существовании организованной группы, обеспечить законное пресечение её деятельности и передать результаты в уголовное судопроизводство без утраты доказательственного значения. Объектом выступают общественные отношения в сфере противодействия организованной преступности; предметом - полномочия оперативных подразделений, пределы их реализации и взаимодействие с процессуальными органами. Цель состоит в разработке правовой модели оперативного сопровождения, ориентированной одновременно на эффективность и соблюдение прав человека.

Методологическую основу составили формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой и функциональный методы; проведено сопоставление национального регулирования с Палермской конвенцией и рекомендациями международных организаций. Эмпирическая база ограничена опубликованными нормативными актами и научной литературой; служебные материалы оперативной деятельности и репрезентативная ведомственная статистика не использовались. Следовательно, выводы имеют нормативно-аналитический характер и не выдаются за результаты полевого эксперимента.

**1. Организованная группа как объект оперативно-розыскного познания**

Для правильного определения задач оперативного подразделения первостепенно разграничить уголовно-правовые формы соучастия. Согласно статье 29 Уголовного кодекса Республики Узбекистан организованная группа представляет собой предварительное объединение двух или более лиц для совместной преступной деятельности, тогда как преступное сообщество образуется предварительным объединением двух или более организованных групп. Статья 30 связывает пределы ответственности соучастников с их участием и охватом соответствующих деяний умыслом; статья 242 предусматривает ответственность за организацию преступного сообщества и за создание организованной вооружённой группы. Эти конструкции нельзя отождествлять ни между собой, ни с простым фактом совершения преступления несколькими лицами.[2]

Международная конструкция отличается от национальной: статья 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности использует для понятия organised criminal group критерий трёх или более лиц, существования в течение определённого периода и согласованных действий ради материальной выгоды. Узбекский законодатель применяет иной количественный порог и собственную систему форм соучастия. Это различие имеет прикладное значение: международное определение служит прежде всего целям конвенционного

---

*1UNODC. Global Report on Trafficking in Persons 2024. Vienna; New York: United Nations, 2024. P. 5: доля групповых структур рассчитана по изученным материалам судебных дел о торговле людьми, а не по всей организованной преступности. URL: https://digitallibrary.un.org/record/4069246 (дата обращения: 15.11.2026).*

*2Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. Ст. 29, 30, 242. Национальная база данных законодательства Lex.uz: https://lex.uz/ru/docs/111457 (дата обращения: 15.11.2026).*

сотрудничества, тогда как квалификация конкретного преступления на территории Узбекистана осуществляется по национальному уголовному закону.[3]

Применительно к оперативной работе критерии существования группы необходимо рассматривать на двух уровнях. На первом устанавливаются юридически значимые признаки предварительного объединения, направленности на совместную преступную деятельность и личного участия. На втором проверяются криминологические индикаторы: устойчивые коммуникации, распределение ролей, общие источники финансирования, контроль над ресурсами и согласование действий. Индикаторы облегчают формирование проверочной версии, но сами по себе не доказывают организованную форму соучастия. Подмена уголовно-правовых признаков внешними проявлениями контактов создавала бы риск необоснованного уголовного преследования.

В литературе С. Н. Гордеев обосновывает самостоятельную исследовательскую ценность оперативно-розыскной криминологии, позволяющей анализировать скрытые процессы преступной среды ещё до их отражения в официальной статистике. О. И. Мальчук и А. А. Нуждин, исследуя организованные группы в исправительных учреждениях, акцентируют сочетание общей и индивидуальной профилактики. Эти позиции подтверждают необходимость видеть в оперативном подразделении не только инструмент фиксации совершённого преступления, но и субъект системного предупреждения.[4]

**2. Компетенция оперативных подразделений и механизм раннего выявления**

Закон Республики Узбекистан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 25 декабря 2012 года № ЗРУ-344 определяет оперативно-розыскную деятельность как деятельность специально уполномоченных подразделений, осуществляемую посредством оперативно-розыскных мероприятий (статья 3). К её задачам отнесены предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений, а также установление причастных лиц (статья 4). Закон закрепляет принципы законности, приоритета прав человека, конспирации и сочетания гласных и негласных методов (статьи 5–9), круг компетентных органов (статья 10) и правила разграничения полномочий (статья 11). Соответственно, оперативная инициатива не является самостоятельным источником неограниченной компетенции: каждое действие должно иметь законное основание.[5]

В функциональном отношении роль оперативных подразделений целесообразно раскрывать через четыре взаимосвязанные функции: информационно-аналитическую (сбор, сопоставление и оценка сведений), предупредительную (обнаружение подготовки преступления и снижение угрозы), обеспечительную (представление материалов органам дознания, следствия и прокурору) и координационную (обмен законно полученной информацией между компетентными органами). Практическое значение такого деления состоит в установлении

---

*3Конвенция Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности, принята резолюцией ГА ООН 55/25 от 15.11.2000 г. Ст. 2 (определения). URL: https://mandates.un.org/mandate/A/RES/55/25 (дата обращения: 15.11.2026).*

*4Гордеев С. Н. Об актуальности развития в Узбекистане оперативно-розыскной криминологии. С. 2–5. Электронная публикация: https://kti.iiv.uz/storage/articles/files/M736TNsU93dneUZUDQzAk9csZbKSDRI0uYQhIfmO.pdf; Мальчук О. И., Нуждин А. А. Оперативно-разыскное обеспечение предупреждения и раскрытия преступлений, совершаемых членами организованных преступных групп в исправительных учреждениях // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 53–55.*

*5Закон Республики Узбекистан от 25.12.2012 г. № ЗРУ-344 «Об оперативно-розыскной деятельности». Ст. 3–11. URL: https://lex.uz/ru/docs/2106527 (дата обращения: 15.11.2026).*

конкретного проверяемого результата каждой функции, исключающего подмену раскрытия одного эпизода реальным пресечением деятельности формирования.

Раннее выявление следует строить не на единичной информации о связях предполагаемых участников, а на последовательной проверке независимых сведений. Первоначальный сигнал получает правовую оценку с точки зрения оснований статьи 15 Закона № ЗРУ-344; затем формулируются альтернативные версии, в том числе версия о случайном взаимодействии лиц; далее сопоставляются сведения о событиях, коммуникациях, финансовых отношениях и распределении функций. На завершающем этапе обоснованно выбирается решение: продолжить предусмотренную законом проверку, передать материалы для процессуальной оценки либо прекратить мероприятия при отсутствии оснований. Подобный подход согласуется с описанной UNODC логикой проактивного расследования, предполагающей предварительный аналитический этап.[6]

Ш. Бегматов связывает сложности раннего выявления организованных групп с документированием цифровых данных, правовой защищённостью участников негласных мероприятий и последующим использованием результатов. Вместе с тем тезис о необходимости нормативного признания мероприятий в цифровой среде должен оцениваться с учётом действующего законодательства: с 2024 года статья 14 Закона № ЗРУ-344 уже прямо допускает применение информационно-коммуникационных технологий, в том числе в киберпространстве. Поэтому предметом дальнейшего совершенствования выступают прежде всего проверяемость цифрового происхождения сведений, пределы вмешательства и процессуальный механизм передачи материалов, а не утверждение, будто сама возможность цифровых мероприятий законодательно отсутствует.[7]

**3. Правовые пределы пресечения и доказательственное использование результатов**

Нормативный перечень оперативно-розыскных мероприятий закреплён статьёй 14 Закона № ЗРУ-344, основания их проведения - статьёй 15, условия мероприятий, затрагивающих конституционно защищённые сферы частной жизни, - статьёй 16, а недопустимые способы действий - статьёй 17. Так, мероприятия, ограничивающие неприкосновенность жилища, тайну корреспонденции и переговоров, в предусмотренных законом случаях требуют санкции прокурора; исключения для неотложных ситуаций сопровождаются специальной процедурой последующего уведомления и, применительно к длящимся мероприятиям, получения санкции. Следовательно, тяжесть предполагаемого преступления не освобождает от проверки основания, компетенции, формы разрешения и законности исполнения мероприятия.[8]

Особую проблему образует переход от оперативной информации к судебному доказательству. Статья 19 Закона № ЗРУ-344 предусматривает возможность направления материалов органам дознания, следствия и прокурору и использования результатов в доказывании по правилам УПК.

---

*6UNODC. Education for Justice. Organized Crime, Module 8: Special Investigative Techniques and Intelligence Gathering. 2018. URL: https://www.unodc.org/e4j/en/organized-crime/module-8/key-issues/special-investigative-techniques/intro.html (дата обращения: 15.11.2026).*

*7Бегматов Ш. Пробелы в оперативно-розыскном законодательстве при раннем выявлении и документировании деятельности организованных преступных групп и пути их устранения // Eurasian Journal of Law, Finance and Applied Sciences. 2026. Т. 6. № 6. С. 14–21. DOI: 10.5281/zenodo.20665280; Закон № ЗРУ-344. Ст. 14 (ред. Закона от 13.03.2024 г. № ЗРУ-920).*

*8Закон Республики Узбекистан от 25.12.2012 г. № ЗРУ-344. Ст. 14–17, особенно ч. 1–3 ст. 16. Следует отличать порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий от самостоятельных процессуальных правил следственных действий.*

При этом часть третья статьи 81 УПК Республики Узбекистан допускает признание результатов оперативно-розыскных мероприятий доказательствами только при условии законности их получения, процессуальной проверки и оценки, а также подтверждения умысла, возникшего независимо от действий сотрудников правоохранительных органов и участвовавших в мероприятии лиц. Статьи 94 и 95 УПК требуют проверки и оценки доказательств по установленным критериям. Само оперативное сообщение не становится доказательством автоматически.[9]

Юридическая граница здесь особенно ясна на примере недопустимости провокации. При документировании заранее сформировавшегося преступного намерения оперативное подразделение устанавливает факты, которые уже существуют либо независимо развиваются. При искусственном побуждении лица к совершению преступления формируется иная ситуация: действия участников мероприятия становятся источником умысла, что противоречит статье 17 Закона № ЗРУ-344 и специальному условию статьи 81 УПК. Поэтому в материалах должны объективно отражаться не только результат контакта с проверяемым лицом, но и данные, позволяющие установить предшествовавшее намерение и самостоятельность преступного поведения.[10]

Предлагается различать три уровня ценности оперативного материала: ориентирующий, проверочный и доказательственный. На ориентирующем уровне информация помогает определить направление законной проверки; на проверочном - подтверждается самостоятельными источниками и документами; на доказательственном - представляется и исследуется в формах, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Для каждого цифрового объекта целесообразно фиксировать законное основание получения, исходный формат, дату и ответственное лицо, способ сохранения целостности, историю передачи и сведения о проверке. Техническое хеширование может применяться как средство контроля неизменности, но не заменяет требований УПК и само по себе не устанавливает допустимость доказательства.

Следственная специфика групповой преступности заключается в необходимости доказывать не только отдельные эпизоды, но и признаки объединения, роли участников, характер согласованности и отношение каждого лица к инкриминируемому деянию. В. М. Харзинова и Р. Х. Алчаков справедливо связывают методику первоначального расследования с определением криминалистического типа группы и обстоятельств, подлежащих установлению. Для оперативных подразделений отсюда следует практический вывод: информационная модель дела должна отражать и подтверждающие, и опровергающие сведения, а не исключительно версию о существовании организованной группы.[11]

**4. Финансовое направление и межведомственное взаимодействие**

Пресечение деятельности организованной группы без исследования её экономической основы может оказаться временным: отдельные исполнители заменяются, тогда как источники

---

*9Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. Ст. 81 (ч. 3), 94, 95; Закон № ЗРУ-344. Ст. 19. URL: https://lex.uz/ru/docs/111463 (дата обращения: 15.11.2026).*

*10Закон № ЗРУ-344. Ст. 17; УПК Республики Узбекистан. Ст. 81 (ч. 3); постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 24.08.2018 г. № 24 «О некоторых вопросах применения норм уголовно-процессуального закона о допустимости доказательств».*

*11Харзинова В. М., Алчаков Р. Х. Некоторые особенности расследования преступлений, совершённых организованными преступными группами и преступными сообществами // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 3. С. 102–105.*

финансирования и механизмы сокрытия выгоды сохраняются. Закон Республики Узбекистан от 26 августа 2004 года № 660-II предусматривает меры противодействия легализации преступных доходов, обязанности организаций по внутреннему контролю и надлежащей проверке клиентов, а также сообщение о подозрительных операциях (статьи 4, 6, 7, 13). В рамках компетенции оперативных подразделений эти сведения должны использоваться по законным процедурам, с разграничением финансовой информации как ориентира и доказательств, полученных процессуальным путём.[12]

Международный подход развивается в рекомендациях FATF: рекомендации 30 и 31 акцентируют компетенцию органов расследования в финансовых делах, выявление и отслеживание преступных активов и законный доступ к необходимым данным. Финансовое направление следует понимать не как вспомогательное к задержанию лиц, а как самостоятельный проверочный канал, позволяющий выявлять связанные эпизоды, бенефициаров и имущество, подлежащее последующей правовой оценке. При этом рекомендации FATF не создают прямого полномочия истребовать сведения: основание и порядок доступа определяются национальным законодательством.[13]

Межведомственная координация требует согласования не только исполнителей, но и юридического статуса материалов. Статья 11 Закона № ЗРУ-344 разграничивает полномочия оперативных органов, а статья 4 Закона от 16 сентября 2016 года № ЗРУ-407 «Об органах внутренних дел» относит оперативно-розыскную деятельность, доследственную проверку, дознание и следствие к направлениям их компетенции. Прокурорский надзор обеспечивает дополнительный механизм проверки законности соответствующих действий. С учётом статьи 28 Закона «О прокуратуре» оправдано создание единого для конкретного производства плана правовых проверок и передачи материалов с указанием ответственного органа, основания, срока и ожидаемого процессуального результата.[14]

При транснациональном характере связей международное сотрудничество не подменяет внутренние основания проведения оперативно-розыскных мероприятий. Статья 19 Палермской конвенции предусматривает возможность совместных расследований, а статья 20 - использование специальных методов в соответствии с принципами национальной правовой системы. Статья 28[1] Закона № ЗРУ-344 закрепляет международное сотрудничество в области оперативно-розыскной деятельности. Отсюда вытекает необходимость процессуально корректного запроса, фиксации правового режима полученных за рубежом материалов и исключения действий, нарушающих суверенитет другого государства.[15]

---

*12Закон Республики Узбекистан от 26.08.2004 г. № 660-II «О противодействии легализации доходов, полученных от преступной деятельности, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения». Ст. 4, 6, 7, 13. URL: https://lex.uz/docs/284542 (дата обращения: 15.11.2026).*

*13FATF. The FATF Recommendations: International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation. Updated February 2025. Recommendations 30–31 and Interpretive Note to Recommendation 30. URL: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/recommendations/Feburary%202025%20FATF%20Recommendations.pdf (дата обращения: 15.11.2026).*

*14Закон Республики Узбекистан от 16.09.2016 г. № ЗРУ-407 «Об органах внутренних дел». Ст. 4. URL: https://lex.uz/ru/docs/3027845; Закон Республики Узбекистан от 29.08.2001 г. № 257-II «О прокуратуре» (новая редакция). Ст. 28. URL: https://lex.uz/ru/docs/105533 (дата обращения: 15.11.2026).*

*15Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 г. Ст. 19–20; Закон № ЗРУ-344. Ст. 28[1]. См. также Schloenhardt A., Calderoni F., Lelliott J., Weißer B. (eds.). UN Convention against Transnational Organized Crime: A Commentary. Oxford University Press, 2023. DOI: 10.1093/law/9780192847522.001.0001.*

**5. Авторская модель повышения эффективности оперативного сопровождения**

На основании проведённого анализа предлагается четырёхконтурная модель оперативного сопровождения деятельности организованных групп. Её новизна заключается не в создании дополнительных, не предусмотренных законом методов оперативной работы, а в установлении последовательных юридических и аналитических контрольных точек, привязанных к уже существующим полномочиям. Модель предназначена для ведомственной методики и требует адаптации к режимам секретности, подследственности и защите персональных данных.

Первый - идентификационно-аналитический контур. Проверяется наличие законного основания мероприятия, формулируются несколько конкурирующих версий, а сведения о предполагаемой группе структурируются по событиям, участникам, действиям и источникам. Контрольная точка: письменное обоснование признаков именно организованной группы с разграничением установленного факта, проверяемого предположения и неподтверждённого сигнала. Продукт этапа - аналитическая справка, не содержащая преждевременного вывода о виновности лица.

Второй - правозащитный контур. До каждого ограничивающего права мероприятия проверяются компетенция органа, основания, необходимость, соразмерность, установленный порядок санкционирования и допустимость сбора соответствующей информации. Отдельно контролируются условия неотложности, запрет провокации, режим хранения сведений и особенности субъектов, обладающих иммунитетом. Последний аспект требует внимания к статье 15¹ Закона № ЗРУ-344, введённой Законом от 14 октября 2026 года № ЗРУ-1182: специальные исключения и разрешительные условия не должны игнорироваться при планировании мероприятий.[16]

Третий - доказательственно-процессуальный контур. Для каждого значимого носителя или сообщения фиксируется происхождение, обеспечивается целостность, определяется допустимый канал передачи следователю и способ процессуальной проверки; отдельно оценивается риск утраты сведений, подлежащих законному рассекречиванию. Контрольная точка: материал передан на основании надлежащего решения и может быть проверен независимо от субъективных пояснений оперативного сотрудника. Такой порядок снижает риск утраты фактических данных вследствие несоблюдения требований статей 19 Закона № ЗРУ-344 и 81 УПК.

Четвёртый - пресекательно-финансовый контур. Вместе с пресечением конкретного посягательства проводится законная проверка организационных и экономических условий, обеспечивавших деятельность группы: связей между эпизодами, источников средств, использования имущества и угроз повторного совершения преступлений. Контрольная точка: в заключительном аналитическом документе разграничены фактически прекращённые противоправные действия, установленные имущественные связи и остающиеся риски. Это препятствует формальному признанию работы завершённой только вследствие задержания исполнителей.

Результативность предложенной модели следует измерять не валовым количеством проведённых мероприятий, а качественными индикаторами: долей материалов, признанных допустимыми после процессуальной проверки; частотой отменённых из-за нарушений правовых решений; долей подтверждённых первоначальных версий; своевременностью

*16Закон Республики Узбекистан от 14.10.2026 г. № ЗРУ-1182 «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан». Статья 15¹ Закона № ЗРУ-344 (официальная узбекская редакция). URL: https://lex.uz/ru/docs/2107763 (дата обращения: 15.11.2026).*

передачи материалов; наличием установленных источников преступного дохода и подтверждённых мер предотвращения повторных деяний. Показатели допустимо рассчитывать лишь на сопоставимых массивах дел с едиными правилами учёта; предлагаемые критерии не означают, что их эффективность уже доказана статистически.

**6. Обсуждение результатов и направления совершенствования регулирования**

Системный анализ выявляет три узловые проблемы. Первая - возможный разрыв между обнаружением признаков организованности и юридическим доказыванием конкретной формы соучастия; он устраняется построением проверяемой версии по статье 29 УК. Вторая - процессуальный риск при преобразовании оперативных сведений в доказательства; его снижает обязательное документирование источника, законности получения и последующей проверки. Третья - неполнота пресечения, когда расследуются отдельные эпизоды без оценки материальной инфраструктуры и возможностей воспроизводства группы. Предлагаемая модель соединяет эти направления в общую систему критериев, не смешивая оперативные полномочия с функциями следствия и суда.

Практическое внедрение модели целесообразно осуществлять поэтапно: разработать межведомственную методическую карту передачи результатов; утвердить единый минимальный состав метаданных для цифровых материалов, не затрагивая секретные сведения о методах; организовать совместное обучение сотрудников оперативных, следственных и финансово-аналитических подразделений; провести пилотную экспертную оценку обезличенных завершённых дел. Изменения законодательства целесообразно предлагать только по итогам выявленных коллизий, а не заменять необходимую организационную работу абстрактными расширениями компетенции.

Представленный подход согласуется с необходимостью сочетать специальные методы расследования с правовыми гарантиями. Международный комментарий к Палермской конвенции подчёркивает кооперативную направленность международного механизма противодействия организованной преступности, однако применение специальных инструментов всегда должно соотноситься с национальной правовой системой. Это дополнительно подтверждает, что эффективность оперативных подразделений следует рассматривать как юридически обусловленную, а не только организационно-тактическую категорию.[17]

**Заключение**

Роль оперативных подразделений в выявлении и пресечении преступной деятельности организованных групп состоит в законном и своевременном преобразовании первоначальной информации о скрытой преступной деятельности в проверяемую систему фактов, необходимую для предупреждения новых преступлений и уголовно-процессуальной оценки. При этом центральным предметом установления выступает не абстрактная криминальная связь лиц, а конкретные признаки предварительного объединения, совместной преступной деятельности, распределения участия и индивидуального умысла.

По результатам исследования обоснована четырёхконтурная модель оперативного сопровождения, объединяющая идентификационно-аналитическую, правозащитную, доказательственно-процессуальную и пресекательно-финансовую функции. Её применение

*17Schloenhardt A., Calderoni F., Lelliott J., Weißer B. (eds.). UN Convention against Transnational Organized Crime: A Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2023. DOI: 10.1093/law/9780192847522.001.0001. Введение: P. 3–20.*

способно повысить согласованность действий компетентных органов, улучшить качество передачи материалов и сделать оценку эффективности ориентированной на юридически значимый результат. Дальнейшая проверка модели требует анализа обезличенных дел и ведомственных показателей при сохранении тайны оперативной деятельности.

**Список литературы**

1. United Nations Office on Drugs and Crime. Global Report on Trafficking in Persons 2024. New York: United Nations, 2024. 173 p. URL: https://digitallibrary.un.org/record/4069246 (дата обращения: 15.11.2026).
2. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. (с изм. и доп.). Ст. 29, 30, 242, 243 // Национальная база данных законодательства. URL: https://lex.uz/ru/docs/111457 (дата обращения: 15.11.2026).
3. United Nations Convention against Transnational Organized Crime. Adopted by UN General Assembly Resolution 55/25 of 15 November 2000. Arts. 2, 19, 20. URL: https://mandates.un.org/mandate/A/RES/55/25 (дата обращения: 15.11.2026).
4. Гордеев С. Н. Об актуальности развития в Узбекистане оперативно-розыскной криминологии. Электрон. ресурс. URL: https://kti.iiv.uz/storage/articles/files/M736TNsU93dneUZUDQzAk9csZbKSDRI0uYQhIfmO.pdf (дата обращения: 15.11.2026).
5. Мальчук О. И., Нуждин А. А. Оперативно-разыскное обеспечение предупреждения и раскрытия преступлений, совершаемых членами организованных преступных групп в исправительных учреждениях // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 53–55.
6. Закон Республики Узбекистан от 25 декабря 2012 г. № ЗРУ-344 «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изм. и доп.) // Национальная база данных законодательства. URL: https://lex.uz/ru/docs/2106527 (дата обращения: 15.11.2026).
7. UNODC. Organized Crime. Module 8: Special Investigative Techniques and Intelligence Gathering // Education for Justice. 2018. URL: https://www.unodc.org/e4j/en/organized-crime/module-8/key-issues/special-investigative-techniques/intro.html (дата обращения: 15.11.2026).
8. Бегматов Ш. Пробелы в оперативно-розыскном законодательстве при раннем выявлении и документировании деятельности организованных преступных групп и пути их устранения // Eurasian Journal of Law, Finance and Applied Sciences. 2026. Т. 6. № 6. С. 14–21. DOI: 10.5281/zenodo.20665280.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. (с изм. и доп.). Ст. 81, 94, 95 // Национальная база данных законодательства. URL: https://lex.uz/ru/docs/111463 (дата обращения: 15.11.2026).
10. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 24 августа 2018 г. № 24 «О некоторых вопросах применения норм уголовно-процессуального закона о допустимости доказательств».

11. Харзинова В. М., Алчаков Р. Х. Некоторые особенности расследования преступлений, совершённых организованными преступными группами и преступными сообществами // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 3. С. 102–105.

12. Закон Республики Узбекистан от 26 августа 2004 г. № 660-II «О противодействии легализации доходов, полученных от преступной деятельности, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» // Национальная база данных законодательства. URL: https://lex.uz/docs/284542 (дата обращения: 15.11.2026).

13. FATF. The FATF Recommendations: International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation. Updated February 2025. Recommendations 30–31. URL: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/recommendations/Feburary%202025%20FATF%20Recommendations.pdf (дата обращения: 15.11.2026).

14. Закон Республики Узбекистан от 16 сентября 2016 г. № ЗРУ-407 «Об органах внутренних дел» (с изм. и доп.). Ст. 4 // Национальная база данных законодательства. URL: https://lex.uz/ru/docs/3027845 (дата обращения: 15.11.2026).

15. Закон Республики Узбекистан от 29 августа 2001 г. № 257-II «О прокуратуре» (новая редакция, с изм. и доп.). Ст. 28 // Национальная база данных законодательства. URL: https://lex.uz/ru/docs/105533 (дата обращения: 15.11.2026).

16. Закон Республики Узбекистан от 14 октября 2026 г. № ЗРУ-1182 «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан» // Национальная база данных законодательства. URL: https://lex.uz/ru/docs/8538578 (дата обращения: 15.11.2026).

17. Schloenhardt A., Calderoni F., Lelliott J., Weißer B. (eds.). UN Convention against Transnational Organized Crime: A Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2023. DOI: 10.1093/law/9780192847522.001.0001.